

Г. И. СЕМЕНЮК

**ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ
ДО НАЧАЛА КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1773—1775 гг.
(ЦАРИЗМ И ФЕОДАЛЬНАЯ ВЕРХУШКА
КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА)**

К началу 30-х годов XVIII в. в чрезвычайно сложной внутренней внешнеполитической обстановке оттесненные с лучших зимних кочевий, разоренные набегами соседних племен и народов, ослабленные внутренними раздорами и преследуемые по пятам джунгарскими завоевателями казахские племена подошли вплотную «к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства».¹

Прибывшее в Петербург в сентябре 1730 г. с просьбой о российском подданстве казахское посольство хана Абулхайра положило начало добровольному присоединению Казахстана к России, ставшему поворотным этапом в истории казахского народа. В результате этого акта казахские племена Младшего и частично Среднего жузов уже в начальный период российского подданства избавились от крайне жестоких внешних хищнических вторжений и набегов и не менее «губительных для развития... производительных сил, внутренних феодальных войн».² Определенные положительные последствия присоединения к России сказались со временем и в области развития социально-экономических отношений, политического строя и культуры казахского народа. В данном отношении к Казахстану полностью применимо высказывание Ф. Энгельса о прогрессивной, цивилизующей роли России на Востоке.³ Да и само по себе присоединение Казахстана к России было проявлением прогрессивной тенденции хозяйственного сближения, объединения народов, о чем убедил-

¹ Ч. Ч. Валиханов, Собр. соч., т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 427.

² П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965, стр. 9.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 4-е изд., Партиздат, 1932, стр. 52.

тельно говорится в целом ряде специальных монографических исследований.⁴

Однако реализация этой тенденции происходила в условиях непримиримых антагонистических противоречий. Функции объединителя выполнял в данном случае царизм, стремившийся к экономическому и политическому угнетению объединяемых народов.⁵ Процесс присоединения Казахстана к России был поэтому одновременно и процессом колониального закабаления казахского народа, или, по выражению П. Г. Галузо, перерастания вассального подчинения Российской империи в колониальные отношения.

Без серьезного специального изучения этого сопутствующего процесса невозможно понять в полной мере развития социально-экономических отношений в Казахстане в последующий период, причин, характера и расстановки движущих сил целого ряда выступлений казахского народа, и в частности предпосылок его участия в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Данная статья и посвящена поэтому освещению первоначальных интересов царизма и некоторых основных путей и методов его политики в Казахстане, направленных на превращение вассальной зависимости Казахстана в колониальное подчинение Российской империи и создавших определенные предпосылки для будущих антифеодальных и антиколониальных выступлений казахского народа.⁶

Казахстан, или казахские «кочевые орды», территория которых являлась, по выражению Петра I, «ключом и вратами ко всем азиатским странам и землям», давно уже привлекал к себе интересы царизма, российского купечества, промышленников и предпринимателей, как территория, через которую пролегалли кратчайшие, в том числе водные, пути на Восток, к богатствам скачайной Индии и яркендскому «песопному золоту».⁷

⁴ Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959; Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX вв. М., 1960, и др.

⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 108.

⁶ Кроме взаимоотношений царизма с феодальной верхушкой казахского общества, в данной статье освещаются недостаточно изученные до сих пор вопросы национальной и земельной политики царизма в Казахстане. Объем статьи не позволил нам, однако, остановиться на хозяйственной и торговой политике царизма в Казахстане, его отношении к религии, народному образованию и целом ряде других вопросов. Кстати, отдельные из всех этих вопросов в плане изучения и анализа колониальной политики царизма в Казахстане в 40-х годах XVIII в. впервые были поставлены в статье М. П. Виткина «К истории распада Казахского союза» (в кн.: Материалы по истории Каз. ССР, т. II, ч. 2, Алма-Ата, 1948, стр. 13—21). В последнее время некоторые из них нашли определенное отражение в публикациях А. Сабырханова (см., например: Казахско-русские отношения в 50—90-х гг. XVIII в. Автореферат. Алма-Ата, 1965, и др.) и в упомянутой выше работе Н. Г. Аполловой.

⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, док. № 24, стр. 31; В. Могутов. Редкое и

К тому же казахские жузы, населенные многочисленными кочевыми скотоводческими племенами, сами по себе могли стать рынком сбыта и прекрасной сырьевой базой для русской промышленности.

Не были секретом и давно привлекали российских купцов, промышленников и царизм в целом природные ресурсы Казахстана. Так, уже первый «начальник Оренбургского края», один из «птенцов гнезда Петрова», И. К. Кириллов, сформулировавший в 1734 г. в своем «Представлении», или «Проекте», основные положения политики царизма в Казахстане, писал о свинцовых горах у Сыр-Дарьи, о запасах квасцов, серы, селитры, золотой руды, о «славной» илецкой соли, множестве «лучшей слюды», богатых медных и других руд, а также о крепких, выносливых и очень недорогих казахских лошадях, которых можно было, по его словам, приобрести «на всю российскую кавалерию за дешевую цену на сукна российских фабрик и другие безделки».⁸ Не зря сделавший ставку на российское подданство хан Младшего жуза Абулхаир в тяжелой для него ситуации считал нужным пообещать русскому посольству показать золотую гору, если он будет принят со всем народом в российское подданство.⁹

Ко всему этому длившиеся более столетия столкновения казахов с Джунгарским ханством, выросшим к этому времени в серьезную опасность и для восточных владений России, а тем более для экономических планов царизма в этих краях, делали казахов потенциальным союзником России на случай военных конфликтов и обуславливали интерес царизма к возможностям будущего использования казахов как военной силы.

Особый интерес царизма к военной силе многочисленного казахского народа вызывался еще и тем, что кочевья казахов ограничивали ненадежные внешние границы беспокойной Башкирии, выходцев из Джунгарии — волжских калмыков и были единственным местом, куда могли уйти и уходили не раз представители этих народов в случаях их выступлений против царизма.¹⁰

Это и породило намерения царизма уже в начале подданства казахов Российской империи использовать их старые конфликты и противоречия с башкирами и калмыками, для того чтобы «одну на другую орду поднимая, смирять, а своих людей в таких случаях беречь».¹¹

достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции... СПб., 1777, стр. 26.

⁸ Казахско-русские отношения... № 50, стр. 112.

⁹ Там же, стр. 111.

¹⁰ М. И. И в а н и н. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар... СПб., 1875, стр. 179.

¹¹ Инструкция имп. Анны начальнику Оренбургской экспедиции И. Кириллову, от 18 мая 1734 г. В кн.: Казахско-русские отношения... № 51, стр. 115.

Таковы основные направления и первоначальные цели политики царизма в Казахстане, конкретные формы, пути, а подчас и характер которой определялись еще и учетом внешнеполитической обстановки и внутреннего положения в самих казахских жузах. В частности, в практических мероприятиях и политических акциях царских властей в Казахстане учитывалось наличие определенных противоречий у казахов с яицким казачеством, среднеазиатскими ханствами, сибирскими казаками. Царские чиновники всех инстанций не забывали об острой, жизненно важной для кочевого скотоводческого общества потребности в безопасных, обильных водой и травами пастбищах у границ России, в частности по рекам Ори, Яику, Эмбе, Тоболу, Иртышу и в других местах.

Великолепно осознавалась и постоянно учитывалась острая потребность кочевых племен, особенно в данных стесненных внешнеполитических обстоятельствах, в защите от внешних вторжений, в мире, союзе и меновых отношениях с Россией, а также другие обстоятельства, сыгравшие немаловажную роль в только что начавшемся и еще очень непрочном, хотя и добровольном подданстве казахов Российской империи.

Царскому правительству с самого начала было известно о слабости ханской власти в Казахстане и династической борьбе различных феодальных линий, о феодальных усобицах, межродовых столкновениях и барымте, а также о социальных противоречиях в казахском обществе наряду с сопутствовавшей им острой потребностью казахских владельцев в военной силе и городах или «крепостях» — опорных пунктах экономического господства и политического подчинения кочевых племен и народов.

На всем этом фоне серьезным препятствием на пути осуществления интересов царизма в Казахстане и предметом особых забот для царских колонизаторов являлись свободолюбие и определенное могущество многочисленного, хотя и ослабленного раздорами казахского народа, при номинальном характере подданства или верховной «власти России над тремя ордами или племенами киргизов».¹²

В данной связи перед царизмом, российскими купцами, промышленниками и предпринимателями на пути реализации их экономических планов и политических интересов в Казахстане с первых же дней его присоединения к России встала первоочередная политическая задача закрепления подданства и постепенного превращения этого подданства из номинального в действительное.

Одним из первых, имевшихся в распоряжении царизма и широко использовавшихся способов выполнения этой задачи были присяги крупнейших казахских феодалов на верность Российской

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 615.

империи, возобновлявшиеся периодически, обычно в случае смены правления в России или в казахских жузах. Они, как правило, осуществлялись в пограничной крепости Оренбург, с демонстрацией щедрости и военного могущества Российской империи; и хотя ни та, ни другая сторона не считала подобную форму зависимости и «прикрепления» надежной, прочной, однако публично присягнувшие в окружении народа коленапреклоненные ханы, султаны и старшины символизировали эту зависимость, подтверждали «право их должности и подданства», чем достигались определенные психологические и политические цели.¹³ Не случайно хан Младшего жуза Нуралы во время своей конфирмации в Оренбурге в 1749 г. просил, чтобы текст присяги читал ахун, так как сам хан не хотел этого делать «от зазрения перед своими». Но оренбургский губернатор И. И. Неплюев настоял на публичности церемонии и строгом соблюдении соответствующей инструкции, ссылаясь при этом на прецедент с присягой хана Абулхайра в 1738 г.,¹⁴ который, кстати, тоже пытался избежать публичного повторения вслух текста присяги.

Более значительным средством первоначального закрепления российского подданства казахов было взятие политических заложников-аманатов из числа сыновей хана и наиболее «знатных», влиятельных родоначальников или старшин. Первый из них (сын хана Абулхайра султан Ералы) был взят еще в конце 1732 г., во время выезда из Казахстана русского посольства во главе с Тевкелевым. После этого происходила периодическая замена заложников-аманатов, гарантировавших своим присутствием (в известной степени, конечно) «соблюдение присяги» или во всяком случае определенную лояльность казахов по отношению к России.

При взятии и замене аманатов царское правительство избегало обычно приема побочных сыновей. При этом учитывалось, что, согласно обычаям казахов, оставление законного сына в чужих руках в случае измены присяге или другому конфликту затронуло бы не только родительские чувства и чувства семьи аманата, но и достоинство многочисленных сородичей, а также общественное мнение целого ряда племен. В данном отношении очень характерны настойчивые, но безрезультатные попытки хана Абулхайра в 40-х годах XVIII в. заменить находившегося в аманатах султана Хаджи-Ахмета побочным сыном (от пленной калмычки) султаном Чингисом, чтобы развязать себе руки в период конфликта с оренбургской администрацией. При этом не помогли никакие «резоны» и доводы Абулхайра, в том числе его ссылки на «зазрения» и непристойные толкования со стороны народа,¹⁵

¹³ Указ Сената от 17 октября 1744 г. В кн.: И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, хронологический перечень, № 56, стр. 15.

¹⁴ Казахско-русские отношения. . . , № 186, стр. 475—476.

¹⁵ И. И. Крафт. Сборник узаконений. . . , стр. 13.

а равно и организованные ханом враждебные действия против России. Неплюев великолепно понимал значение оставления именно такого заложника, связывавшего хана Абулхаира с царскими властями даже независимо от его воли. Обессиленный неравной борьбой, не имея других, кроме царизма, сильных союзников и средств в достижении своих классовых, антинародных целей, хан Абулхаир был вынужден уступить. Тем самым был сделан еще один шаг вперед в усилении зависимости хана от царизма и, следовательно, его использования для закрепления подданства казахов.

Подобной же линии Неплюев последовательно придерживался и в отношении сменившего Абулхаира в 1749 г. хана Нуралы. Правда, конкретные обстоятельства вынуждали его порой отступать от такого правила, тем более что не в интересах царизма было вообще значительное ухудшение отношений с ханом и другими крупнейшими казахскими феодалами, через которых практически осуществлялось необходимое закрепление подданства. Так было, например, в 1749 г., когда Коллегия иностранных дел, учитывая и без того слабое влияние Нуралы-хана, фактически ставленника царизма, а также напряженность внешнеполитической обстановки в связи с активизацией военных действий джунгарских владельцев, разрешила И. И. Неплюеву согласиться на замену очередного аманата побочным сыном Абулхаира султаном Чингисом, при условии, что вместе с ним будут отданы сыновья влиятельнейших старшин Младшего жуза.¹⁶ Характер подобной «уступки» станет особенно ясным, если учесть, что старшины родоначальники были зачастую гораздо сильнее и влиятельнее самого хана, и уже в первые годы российского подданства казахов царское правительство предписывало оренбургской администрации «наипрележнейше трудиться» о получении в аманаты «из детей лучших и сильных киргиз-кайсацких старшин, обладеживая их милостию, добрым содержанием и частою переменою».¹⁷

Роль аманатства как средства усиления вассальной зависимости или подданства казахов и достижения других политических целей сказывается, в частности, и в усиленных попытках царизма заполучить в аманаты второго сына хана Среднего жуза Абулмамбета, несмотря на то что первый сын хана был отдан в заложники джунгарскому владельцу.¹⁸

Для облегчения задачи получения аманатов царское правительство выплачивало им «кормовые расходы», а с 1749 г. ввело в практику публичные награждения аманатов при отпуске их из России с одновременной присягой на верность царизму.¹⁹ Стре-

¹⁶ Там же, № 92, стр. 25.

¹⁷ Там же, № 46, стр. 12.

¹⁸ Казахско-русские отношения..., № 104, стр. 269.

¹⁹ Там же, № 175, стр. 445.

мясь к еще более полному и далеко идущему по своим целям использованию института заложников-аманатов. Коллегия иностранных дел предпринимала меры и для соответствующего «воспитания» аманатов в период их пребывания в России, предписывая в целях успокоения казахского народа и предотвращения его «продерзости» отучать аманатов от «воровских нравов», «вселять в них людскость и обхождение», способствовать их общению с русскими людьми, склонять к изучению русского языка и грамоты, с тем чтобы поведение аманатов стало примером «лучшего обхождения для их соплеменников».²⁰

Институт аманатов в целом, а также и присяги на подданство или верность Российской империи сами по себе являлись, однако, лишь средствами «прикрепления» к Российской державе прежде всего и главным образом казахских владельцев и родоначальников, т. е. правящей верхушки казахского общества, которая в свою очередь играла довольно значительную роль в закреплении российского подданства казахов и осуществлении политики царизма в Казахстане вообще. Использование правящей верхушки казахского общества, по справедливому утверждению М. П. Вяткина, долгое время было единственным средством укрепления политического влияния царизма в глубине степи. Царская администрация учитывала и умело использовала при этом и социальную сущность, и цели казахских феодалов, и их династические противоречия, и реальное положение каждого из них, и личные слабости, устремления, а также конкретную обстановку в каждом данном случае.²¹

Так, еще до начала присоединения Казахстана к России царизму было хорошо известно о слабости ханской власти у казахов, о том, что «народ сей... имеет хана только для одного имени, а владения его над ними нет»,²² что «хан... без согласия прочих ханов и салтанов и киргиз-кайсацкой орды ничего одним собою делать не может», что он, «по малосилию своему и тамошних степных народов непослушанию, всех боится, ибо никаких представлений его не слушают, а делают что захотят сами»,²³ а также и о том, что хан, говоря языком того времени, не пользовался любовью своих подданных. «Все наши бессмысленные народы меня мало любят»,²⁴ — не раз жаловался оренбургским начальникам хан Абулхаир. Еще чаще и с большим основанием повторял эти жалобы сменивший Абулхаира в 1749 г. его сын — хан Нуралы.

Слабость ханской власти, боязнь своего народа сочетались

²⁰ И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 265, стр. 95.

²¹ См.: М. П. Вяткин. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII—начале XIX в. В кн.: Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 4.

²² А. И. Добрымислов. Материалы по истории России, т. I. Оренбург, 1900, стр. 8.

²³ АВПР, ф. 122/1, (Киргиз-кайсацкие дела), 1733 г., д. 1, л. 153 об.

²⁴ Там же, 1741 г., д. 3, л. 6—6 об.

с настойчивым желанием ханов, как и вообще казахских владельцев, упрочить свое положение, «усилиться над народом», подчинить своей воле влиятельнейших старшин, добиться единой власти над всеми частями раздробленных жузов и превратить эту власть в наследственную. В частности, инициатор российского подданства казахов хан Абулхайр, по заявлению Тевкелева, «желая оную орду в наибольшую власть свою взять не так, как предки ево оною владели, [и] причитая их непослушание себе в озлобление, просил и протекции ее императорского величества, чрез которую намерен был в той киргиз-кайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников роду своего на оном ханстве утвердить».²⁵ Со всем этим до мелочей совпадают классовые позиции и цели хана Нуралы — преемника Абулхайра.

Присяги ханов на подданство Российской империи, равно как и другие сношения их с царизмом, сопровождалось поэтому систематическими просьбами о помощи, «усилении», вплоть до попыток получения артиллерии, и настойчивых ходатайств о построении им крепостей или укрепленных городков и т. д. Так, хан Абулхайр еще в период переговоров о подданстве в 1732 г., ухватившись за предложение главы российского посольства в Казахстане Тевкелева построить ему крепость, рассчитывал с помощью царизма заманить в эту крепость «всех противных [ему] старшин... и иных переказнить, а иных послать в дальние города...».²⁶ Правда, Тевкелев, а после него и другие представители царизма не поддержали подобных намерений Абулхайра и его наследников, как не выполнили позже настойчивых просьб о предоставлении ему пушек и войска для «приведения в подданство» всех жузов и даже соседних народов, для похода на Хиву и т. п., не поддержали потому, что усиленный таким образом хан перестал бы нуждаться в самом царизме.²⁷ Крепость «Абулхайру» была, однако, построена, но лишь потому, что она была гораздо более необходима самому царизму, в частности для закрепления российского подданства казахов.

Присягая «на верность ее императорскому величеству», Абулхайр добивался также признания себя владельцем всех трех казахских жузов, при этом он просил, в частности, о встрече его в Оренбурге «с тысячью солдат» и оркестром, «понеже легкомысленные дураки (по выражению Абулхайра, — Г. С.) чрез то удобнее содержаны быть могут в руках».²⁸ Подобные просьбы со стороны хана Абулхайра, а также его преемника Нуралы сопровождалось, как правило, дипломатической оговоркой, что удовлетворение этих просьб позволит им лучше сохранить подданническую

²⁵ А. И. Добромыслов. Материалы..., т. I, стр. 97—99.

²⁶ Казахско-русские отношения..., № 33, стр. 81.

²⁷ М. П. Вяткин. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде..., стр. 5.

²⁸ Казахско-русские отношения..., № 82, стр. 191.

верность и более успешно выполнять «повеления ее императорского величества».²⁹

Однако царское правительство под благовидными предложениями уклонилось от признания Абулхаира владельцем трех жузов, снова и снова отказывало хану в войсках и оружии. Кстати, несмотря на свою заинтересованность в войне казахов с Хивой, оно не советовало принимать его сыну Хивинское ханство, предписывая одновременно И. И. Неплюеву, «елико возможно», не допускать практического осуществления состоявшегося избрания Нуралы хивинским ханом, так как это было «несогласно с видами России».³⁰ Оренбургское начальство в свою очередь не задерживало в Оренбурге, по просьбе Абулхаира, казахских старшин, а тем более хана Среднего жуза Абулмамбета³¹ и т. д. Вместе с тем царская администрация вступила в прямые контакты с другими казахскими владельцами, соперниками Абулхаира, такими как султаны Среднего жуза Аблай, Барак и Батыр, оказывала или обещала им милости и почтение, равные с ханом Абулхаиром, и лучшим залогом верности ханов считала то обстоятельство, что хан Среднего жуза «Абулмамбет с Абулхаир-ханом согласия не имеет».³²

При всем том во время приезда в Оренбург для присяги хана встречали с оркестром, почетным караулом и пушечной пальбой, что льстило его честолюбию. На жалобы о бессилии над народом ему, «к содержанию оного в надлежащем порядке», советовали кочевать ближе к границам России и разрешали даже свободный заезд в крепости, что якобы должно было усилить хана свидетельством особой милости к нему царизма.³³ Его обнадеживали также возможностью удовлетворения просьбы об утверждении наследника при жизни, но лишь потому, что для царизма, по словам Неплюева, было бы «весьма полезно» добиться, «дабы киргиз-кайсацкие ханы ханство получали не по своей или по одной народной воли, но с высочайшего ея императорского величества соизволения и подтверждения», что позволило бы в будущем отдавать предпочтение тем претендентам на ханство, «кои для интересов ея имп. величества надобны».³⁴

Иначе говоря, удовлетворялись лишь незначительные просьбы хана или же те, выполнение которых усиливало его зависимость от царизма.

Горечь отказов компенсировалась обычно, особенно в начальный период казахско-русских отношений, обилием подарков в виде товаров, преподносившихся во время присяг и по

²⁹ Там же.

³⁰ И. И. Крафт. Сборник узаконений. . . , № 63, стр. 16.

³¹ Казахско-русские отношения. . . , № 96, стр. 236.

³² Там же, стр. 246; № 119, стр. 302.

³³ Там же, № 96, стр. 236.

³⁴ Там же, № 97, стр. 253—254; № 152, стр. 394—395.

другим случаям, и различными знаками «царской милости» хану, султанам и наиболее влиятельным старшинам-родоначальникам. О размерах подобных «милостей» можно судить хотя бы по размеру расходов казны «на подданство» и казахские посольства, которые только за первые пять лет (с 1730 по 1734 г.) составили свыше 17 тыс. руб.³⁵ Однако, не добившись осуществления своих основных целей и честолюбивых замыслов с помощью подданства и союза с царизмом, хан Абулхайр в 40-х годах XVIII в. решает сменить ориентацию или во всяком случае шантажирует этим царское правительство, и в частности оренбургского губернатора И. И. Неплюева, но не достигает цели. Даже его попытки организовать откочевку казахов от границ России, подкрепляемые слухами о движении на казахов «российского войска» или «несметной силы из русских, башкир и калмыков»,³⁶ не дали желаемых результатов, так как пребывание у границ России, несмотря на все отрицательные стороны политики царизма, гарантировало все же казахам определенную безопасность от внешних вторжений, обеспечивало возможности меновой торговли, а главное у этих границ находились удобные пастбища для скота, «обильные водою и травами». Пытаясь во что бы то ни стало добиться своего, хан Абулхайр в 1745—1747 гг. организовывает провокационные набеги на русские пограничные селения, калмыцкие кочевья и т. п., в результате чего И. И. Неплюев получил формально обоснованное даже в понятиях казахских племен право организации карательных экспедиций («поисков») или вторжений на территорию казахских кочевий. Эти «поиски» карательных отрядов царских войск привели к озлоблению казахского населения против Абулхайра, навлекшего своими «интригами» эти бедствия, и подорвали его «кредит в народе».³⁷

Чтобы усилить возникший на этой почве раскол между Абулхайром и подвластными ему родами, Неплюев распорядился даже не смешивать «весь народ и владельцев», узнавать зачинщиков и расправляться лишь с непосредственными участниками набегов. И. И. Неплюев ясно сознавал при этом, что хан «переменится» или же подвластный ему народ и старшины совсем перестанут ему верить и слушаться его, после чего исчезла бы надобность в опоре на хана и для царизма.³⁸

В 1748 г., значительно подорвав свое влияние и авторитет, хан вынужден был прекратить набеги и пойти на примирение

³⁵ А. И. Добромыслов. Материалы..., т. I, стр. 253—281.

³⁶ П. И. Рычков. История Оренбургская. Оренбург, 1896, стр. 86; Казахско-русские отношения..., № 130, стр. 331—332.

³⁷ В. Н. Витевский. Неплюев и Оренбургский край, т. III. Казань, 1897, стр. 696, 709; Казахско-русские отношения..., № 130, стр. 332; № 135, стр. 348.

³⁸ В. Н. Витевский. Неплюев и Оренбургский край, т. III, стр. 696, 709; Казахско-русские отношения..., № 135, стр. 348; № 161, стр. 413.

с царизмом. Антинародный характер его целей и методов их достижения не оставлял ему другого выхода.

В подобной обстановке в том же 1748 г. происходит убийство хана Абулхаира султаном Бараком, влиятельнейшим владельцем Среднего жуза, династическая борьба и соперничество которого с ханом Абулхаиром поддерживались царизмом. Еще более ослабленная и напуганная убийством хана семья Абулхаира сразу же получила соболезнование оренбургских властей и настойчиво внушаемый при этом совет прибегнуть к защите, милости и покровительству царизма. При этом Неплюевым припомнились заслуги Абулхаира перед Российской империей, а также его намерение утвердить наследника из его семьи.³⁹ Царскому правительству было чрезвычайно важно использовать предоставившуюся благоприятную возможность для утверждения нового хана, чтобы создать тем самым нужный прецедент на будущее время, когда можно будет ввести «в обычай и закон» назначение ханов в обеих жузах «по высочайшему ея имп. величества соизволению».⁴⁰ Имелось даже в виду «назначение» хана без выборов его народом.⁴¹ Контакты Неплюева в этот период с султаном Бараком были «весьма не апробованы» самой императрицей,⁴² как способные огорчить очень нужного и удобного для царизма своей слабостью претендента на ханский престол из семьи Абулхаира, а также усилить султанскую группировку Среднего жуза, придерживавшуюся противоположной ориентации. Да и сам Неплюев понимал, что для интересов Российской империи в Казахстане было важно, чтобы связавшая себя с царизмом и достаточно ослабленная «Абулхаирханова фамилия не ушла».⁴³ Именно поэтому Неплюев и присланный из Петербурга М. Тевкелев всячески содействуют избранию в ханы старшего сына Абулхаира — султана Нуралы и, несмотря на то что «оное... Нуралеево избрание совершилось в ханской кибитке чрез выбранных от десяти родов знатных биев, а не по их прежнему обыкновению публично»,⁴⁴ царское правительство утвердило это избрание, и Неплюев вручил султану Нуралы патент на ханство. Больше того, впервые поставив над казахским народом владельца по своему выбору, не пользовавшегося, однако, достаточным влиянием в народе, царское правительство проявляет на первых порах даже определенную заботу об укреплении его власти и авторитета.⁴⁵ Именно поэтому «не апробуется» дальнейшее продолжение контактов Неплюева с убийцей Абулхаира султаном Бараком, отклоняется просьба

³⁹ Казахско-русские отношения. . . № 153, стр. 398—400.

⁴⁰ Там же, № 165, стр. 420.

⁴¹ Там же, № 153, стр. 402.

⁴² Там же, № 175, стр. 446.

⁴³ Там же, № 165, стр. 424.

⁴⁴ Там же, стр. 419.

⁴⁵ Там же, № 178, стр. 458.

хивинского хана о прохождении торговых караванов, минуя кочевья семьи Абулхаира, а добивавшемуся исключительного права сопровождения этих караванов султану Батыру было предложено согласовать эту просьбу не с кем иным, как с ханом Нуралы.⁴⁶ Характерно и то, что теперь, когда создалась угроза нежелательного для царизма усиления враждебной семье хана Абулхаира феодальной группировки, Коллегия иностранных дел советует оренбургским властям не вмешиваться в выборы ханов в Хиве, где в это время правил сын султана Батыра — хан Каип.⁴⁷

При всем том царское правительство считало нежелательным и назначение одного, «главного» хана над обеими казахскими жузами, как этого добивались султан Нуралы, его мать ханша Бунай, да и вся семья хана Абулхаира. За основу решения данного вопроса были приняты представления Неплюева, считавшего, что «в киргизском народе между прочими особливому главному хану быть не только не полезно, но и вредительно быть может... ибо что сильнея ханы, тем под случай их народного беспокойства во усмирении их больше трудностей».⁴⁸ В результате было решено «назвать и подтвердить» султана Нуралы «киргиз-кайсацким ханом, не имянуя ни Меньшей, ни Средней орд», как поступили в свое время и с ханом Абулхаиром.⁴⁹ Такое утверждение само по себе создавало основу для новых конфликтов на почве необоснованных претензий нового хана. Но это не противоречило общей политике и конкретным целям царизма, для которого, по словам Неплюева, наилучшим средством для обеспечения «народного баланса» и «обуздания сих диких народов» являлось «содержание» казахских ханов «в такой мере», чтобы ни та, ни другая сторона не могла «как слиться, так и в большое бессилие приходиться».⁵⁰

Со своей стороны, продолжая традиционную линию своего отца, хан Нуралы с первых дней правления старался «усилиться» с помощью того же Неплюева и царских властей. На семейном совете чуть ли не сразу же после убийства хана Абулхаира было решено поставить ханом Среднего жуза, путем расправы над Бараком и другими феодалами Среднего жуза, султана Ералы, хивинским ханом — Хаджи-Ахмет-султана, главным ханом и ханом Младшего жуза — их старшего брата — султана Нуралы, чтобы, таким образом, «одним им детям абулхаирхановым властвовать». Ханша Бунай откровенно заявляла старшему сыну, что после осуществления всего этого «все, что ни пожелает, в его воли будет».⁵¹

Подобные намерения не соответствовали, однако, целям царизма и не могли не насторожить его. Поэтому, когда хан Ну-

⁴⁶ Там же, № 196, стр. 510.

⁴⁷ И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 100, стр. 30.

⁴⁸ Казахско-русские отношения... № 153, стр. 401; № 165, стр. 419.

⁴⁹ Там же, № 175, стр. 444.

⁵⁰ Там же, № 153, стр. 401.

⁵¹ Там же, № 165, стр. 423.

ралы, прикрываясь необходимостью мстить за отца,⁵² стал просить войска, ему, разумеется, было отказано, хотя и не возборонялось искать возмездия над Бараком своими силами.⁵³

Такая же участь постигла и его многократные просьбы о строительстве мавзолея или городка над могилой Абулхаира на месте его гибели и вообще о строительстве «крепостцы» хану, чтобы ему удобнее было «устрашать и воздерживать в подчинении вольный и не имеющий страху» казахский народ. Правда, формально царское правительство согласилось с просьбой хана о мавзолее, но предполагало строить его поближе к границам России, что было бы выгодно главным образом самому царизму. Это, естественно, не устраивало хана и всю фамилию Абулхаира, стремившуюся к достижению этими средствами именно большей самостоятельности. Тогда Коллегия иностранных дел и Неплюев пошли по линии затяжек и проволочек, бракуя избираемые ханом места под предлогом отсутствия леса (строительных материалов), плохой почвы, ссылаясь даже на недовольство казахского народа предполагавшимся строительством крепости на территории их кочевий, на «плохое состояние ордынских дел», в то время как в распоряжениях оренбургским властям по этому вопросу говорилось о неудобстве строить мусульманскую крепость с мечетью христианскими руками и средствами.⁵⁴

Просьбы семьи Абулхаира и обещания царских властей о постройке хану крепости и мавзолея над могилой отца повторялись и в 1750, и в 1759, и в 1763, и в 1766, и даже в 1785 г., когда хану потребовалось уже просто убежище для спасения своей жизни в период восстания Срыма Датова, но эти обещания так и не были выполнены, несмотря уже на согласие хана строить крепость на Эмбе или Илеке, как это предлагалось ранее самим царизмом.⁵⁵

Строительство это по мере ослабления ханской власти и расширения социальной опоры царизма в Казахстане становилось все более ненужным для интересов Российской империи, а потому безнадежным делом. Систематически не выполнялись и другие более или менее значительные просьбы и предствления хана, особенно о перепуске скота зимой через Яик, о возвращении беглых рабов и невольников, постоянно сочившихся из Казахстана. Последнее, в частности, особенно ущемляло интересы казахских

⁵² Там же, № 182, стр. 482; № 178, стр. 452—454.

⁵³ В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргизкайсаках и сношении России со Средней Азией со времени кончины Абулхаира хана (1748—1765 гг.), т. I. Уфа, 1853, стр. 180; Казахско-русские отношения..., № 178, стр. 454.

⁵⁴ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 102, стр. 30; № 108, стр. 32—33.

⁵⁵ Казахско-русские отношения..., № 190, стр. 493—494; № 196, стр. 512—513; № 197, стр. 515; № 231, стр. 599; № 235, стр. 606; № 256, стр. 654; № 267, стр. 683; ПСЗ I, т. XXII. № 16292.

старшин и вызывало рост их недовольства ханом, который, по их словам, «об их киргизском народе не старается, а доброжелательствует-де только российской стороне».⁵⁶ Разрешение перегона скота на «внутреннюю сторону» Урала самому хану и членам его фамилии еще более усиливало недовольство старшин и народа.⁵⁷

Однако имели место и указы, предписывавшие, по просьбе Нуралы-хана, возвращать «выбегающих от киргизов пленников».⁵⁸ Время от времени оренбургская администрация, «в разсуждении народного поведения», считала необходимым «несколько поусилить» хана.⁵⁹ Вместе с тем отклонялись просьбы Нуралы-хана о барымте или задержании в Оренбурге по его указанию знатных родоначальников, чьи роды были повинны будто бы в набегах на пограничные территории России, захвате пленных и ограблении караванов, а главное в препятствии хану, по его собственному заявлению, «наилучшим образом выполнять повеления его императорского величества».

Угрозы и даже попытки хана не давать более в Оренбург аманатов, запретить казахам ездить на меновые дворы в российские крепости, шантажирование попытками переговоров с Джунгарией, цинской империей и даже афганским шахом не достигали успехов.⁶⁰ Уступая в частностях или на короткое время, особенно в опасных угрозах «возбуждения» и массовой откочевки казахов случаях, царизм продолжал вести последовательную политику, направленную на закрепление российского подданства казахов и превращение хана в послушное орудие утверждения своего господства и вместе с тем на дальнейшее расширение своей социальной опоры в Казахстане. С этой же целью в годы правления Нуралы-хана по-прежнему предпринимались мероприятия, направленные на подкуп влиятельных казахских феодалов, старшин и родоначальников и их противопоставление хану и друг другу. Так, наряду и одновременно с отказами хану и членам его фамилии в войске, в строительстве «крепостцы» или усадьбы, в оружии, возвращении беглых, репрессиях против старшин и его соперников в 1767 г. царское правительство разрешило, например, постройку усадьбы Дусалы-султану, с прямой установкой «вызвать зависть и соревнование».⁶¹ Подобные случаи имели место и раньше. Еще в 1759 г., отказав хану в присылке его посольства в Петербург в связи с «продерзостями» казахов и отказом хана дать нового аманата, оренбургская администрация разрешила от-

⁵⁶ Казахско-русские отношения. . . , № 250, стр. 639—640.

⁵⁷ См.: Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией. . . , стр. 351.

⁵⁸ См.: Г. И. Семелев. Ликвидация рабства в Казахстане и ее предпосылки. Вестн. АН Каз. ССР, 1958, № 11, стр. 25.

⁵⁹ Казахско-русские отношения. . . , № 225, стр. 583.

⁶⁰ П. И. Крафт. Сборник узаконений. . . , № 209, стр. 70—71; Казахско-русские отношения. . . , № 239, стр. 617; № 291, стр. 670—671.

⁶¹ И. И. Крафт. Сборник узаконений. . . , № 306, стр. 112—113.

править такое посольство султану Аблаю. Больше того, Аблаю было предложено, через посредников, утверждение в ханском достоинстве и сравнение его во всем, вплоть до жалования, с Нуралы-ханом, «ежели он даст аманата», учитывая, что это причинит досаду Нуралы-хану, имевшему некоторую власть в Среднем жузе.⁶² В 1764 г., запрещая выпас скота казахам Младшего жуза даже вблизи реки Яика, Коллегия иностранных дел разрешила такой выпас и даже перегон скота на зимние пастбища за Иртышом казахам, подвластным Аблаю и некоторым другим казахским старшинам.⁶³

Изошренность царских властей в противопоставлении казахских феодалов друг другу, в разделении народа доходила до того, что, восстановив подобным образом против Нуралы-хана значительную часть старшин или во всяком случае обострив их старые противоречия и конфликты, царское правительство в 1711 г. в связи с просьбой хана о назначении ему наследника при жизни сочло возможным указом Екатерины II рекомендовать ему получить сначала согласие от старшин и народа, чтобы «не иметь впоследствии никаких затруднений».⁶⁴

Возмущенный, но и напуганный подобным отказом, хан выражал недовольство перепиской царского правительства с Аблаем, жаловался на умножение в степи начальников, считавших себя самостоятельными владельцами и имевших прямой контакт с оренбургской администрацией, на отсутствие в Казахстане единой власти и единого порядка и возрастание в связи с этим количества «плутов» и «роптаний» в народе,⁶⁵ а также на то, что, в то время когда он, хан, не видит от ее императорского величества милости, «приведенные его предводительством и наставлением в познание люди ровняются с ним начинают».⁶⁶ Вместе с тем хан продолжал регулярно доносить царской администрации о возможных набегах казахов на пограничные территории и укрепленные пункты, сообщать о намерениях отдельных казахских родов откочевать к Джунгарии или на высвободившиеся после ее разгрома кочевья джунгарских племен,⁶⁷ стараясь подобными мерами заслужить «милость» царизма и добиться все же выполнения своих просьб и требований.

Учитывая слабость хана и все возрастающую зависимость его от «милостей» и поддержки царизма, Екатерина II указом от 18 марта 1770 г. предписывала оренбургскому губернатору добиваться от Нуралы, чтобы он позволял старшинам и народу со-

⁶² Там же, № 211, стр. 72; Казахско-русские отношения..., № 234, стр. 603—604.

⁶³ Казахско-русские отношения..., № 261, стр. 670.

⁶⁴ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 327, стр. 119.

⁶⁵ Казахско-русские отношения..., № 275, стр. 700.

⁶⁶ Там же, № 261, стр. 670.

⁶⁷ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 209, стр. 70.

действовать в исполнении требований царизма и без зависти смотрел на поощрения и «поманки», которые будут делаться его подчиненным,⁶⁸ т. е. на расширение непосредственных связей царизма с казахскими феодалами. При этом в зависимости от конкретных условий и целей царские власти постоянно варьировали в своем отношении к хану и вообще казахским феодалам, как и во всей своей политике в Казахстане, сочетание принципа «разделяй и властвуй» с политикой «кнута и пряника». Роль последнего выполняло, в частности, ежегодное жалование хану в размере 600 руб. (двести из них выдавалось при этом тайно от старшин и народа). Первым получил это жалование и стал по сути дела платным чиновником царизма хан Нуралы, просивший об этом в 1754 г. со ссылкой на заслуги отца и всей семьи Абулхаира перед царизмом, а также на свою «бедность» и отсутствие каких бы то ни было доходов и сборов с народа.⁶⁹ Набегами на пограничные села и торговые караваны добился выплаты жалования с 1762 г. по 200 руб. ежегодно султан Ералы. Одновременно, чтобы «не обидеть» и за заслуги в возврате в Россию беглых солдат, колодников, а также за «помощь хану» в сопровождении торговых караванов и в «удержании народа», царизм удовлетворил просьбу о назначении жалования султану Айчуваку.⁷⁰ При этом учитывалось также и то обстоятельство, что оба султана имели в народе «кредит» не меньше хана.⁷¹ Не остались без внимания и просьбы султана Аблая. В 1759 г., несмотря на то что с его стороны не было аманатов и в целом он вел независимую от Российской империи линию, и даже в какой-то степени именно поэтому, ему было назначено ежегодное жалование в 300 руб. при одном лишь условии, чтобы подвластный ему народ был в покое и на границах все было хорошо.⁷²

Выплата ежегодного жалования оказалась столь привлекательной приманкой, что вскоре царизму пришлось отклонять ходатайства некоторых султанов о назначении такового, чтобы избежать «великих расходов». Содержание отказов сводилось к тому, что султаны в Казахстане много и султанство не дает еще права на жалование, которое надо заслужить.⁷³

Обилие желающих получить жалование позволяло царизму производить его назначение и выдачу при условии «сохранения верности» царизму и в особо нужных случаях подкупа наиболее сильных или влиятельных казахских феодалов и т. п. Так, например, в 1764 г. было назначено ежегодное жалование в размере

⁶⁸ Там же, № 317, стр. 117.

⁶⁹ Казахско-русские отношения..., № 208, стр. 537; № 209, стр. 538.

⁷⁰ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 228, стр. 80; № 247, стр. 87; Казахско-русские отношения..., № 238, стр. 615.

⁷¹ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 233, стр. 82.

⁷² Казахско-русские отношения..., № 230, стр. 598.

⁷³ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 261, стр. 93—94; № 317, стр. 116—117.

150 руб. султану Солтамамбету в связи с тем, что цинские правители в это время особенно старались привлечь владельцев Среднего жуза на свою сторону.⁷⁴ В 1765 г. положительно рассматривался вопрос о назначении жалованья султану Абулфеису, с учетом его содействия развитию торговли в Семипалатинской крепости, а также того, что отец султана был ханом в Хиве и Абулфеис мог способствовать обеспечению безопасной торговли и с Хивой.⁷⁵ В 1769 г. было повелено под видом «подарка» выплачивать ежегодное жалованье «знатным» старшинам Среднего жуза Куляке и Кулсаре батырам, которые нередко удерживали от «противных поступков» даже самого султана Аблая.⁷⁶ К 70-м годам XVIII в., несмотря на упомянутые ранее ограничения, царское жалованье получали не только казахские ханы, многие «вельможи» или султаны, крупные родоправители, но и нередко простые старшины,⁷⁷ а заодно ханские и даже султанские писаря за сообщения царским властям «нужных известий» о ханах и «о поступках киргизских родоначальников».⁷⁸

К денежному жалованью, по просьбе ханов и некоторых наиболее влиятельных владельцев Младшего и Среднего жузов, царизм охотно добавил и выдачу муки, круп, зерна, или так называемое хлебное жалованье, «дабы они (казаки, — Г. С.) чрез то ко употреблению хлебному больше приобькли». Такие выдачи были начаты еще в 1742 г. по просьбе хана Среднего жуза Абулмамбета, который был «разорен зюнгорскими калмыками».⁷⁹ Хлебное жалованье довольно регулярно выдавалось и семье хана Абулхаира.⁸⁰ В ноябре 1749 г., после утверждения султана Нуралы в ханском достоинстве, царское правительство вновь подтвердило свое распоряжение о том, «чтоб к Нуралы-хану и впредь хлеб посылать и тем ево не только к здешней пище приобучать, но и в дружбу... приводить».⁸¹ К этому времени, по сообщению И. И. Неплюева в Коллегию иностранных дел, все возрастающую «привычку» к употреблению «хлебной» пищи и «охоту» к ней приобрели уже «не только киргиз-кайсацкие владельцы и знатные старшины, но... и подлой народ».⁸² В 1759 г. «производить хлебное жалование, по усмотрению командующего сибирскими линиями», предписывалось султану Аблаю, а также, по его хода-

⁷⁴ Архив бывш. Оренбургского генерал-губернаторского управления, вып. I. Оренбург, 1889, стр. 33—34.

⁷⁵ Казахско-русские отношения..., № 265, стр. 680—681.

⁷⁶ Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Повые ежемесячные сочинения, 1795, ч. 111, стр. 28—29.

⁷⁷ И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. II. СПб., 1776, стр. 119.

⁷⁸ Казахско-русские отношения..., № 142, стр. 362; И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 251, стр. 89.

⁷⁹ АВПР, ф. 122/1, 1742 г., д. 5, л. 2.

⁸⁰ Казахско-русские отношения..., № 182, стр. 482.

⁸¹ АВПР, ф. 122/1, 1749 г., д. 4, л. 302.

⁸² Там же, л. 303.

тайству, и другим «знатным султанам» Среднего жуза «в случае их просьб».⁸³ Коллегия иностранных дел в данном случае опять-таки не ставила никаких особых условий и требований, кроме предписания оренбургскому губернатору Давыдову отправлять хлеб Аблаю до тех пор, пока он «не учинит какой-нибудь явной и нетерпимой противности к здешней стороне».⁸⁴ Согласно этому предписанию, с 1760 г. Аблаю выдавали ежегодно по 200 пудов муки. С 1761 г. была начата выдача хлебного жалованья Джулбарс-султану, «доброжелательным старшинам» Среднего жуза Кулсаре и Куляке батырам (по 100 пудов каждому), а также Байжигит-мурзе, которого Аблай-султан «противо других особливо жаловал и единственно ему о своих тайностях знать давал» (по 25 пудов в год).⁸⁵

Таковы лишь некоторые формы подкупа или «ласкания» крупнейших казахских феодалов, взявших в корыстных целях инициативу принятия российского подданства в свои руки и превращавшихся постепенно в одно из основных орудий и средств колониального проникновения царизма в Казахстан, в его союзника по закабалению и будущему ограблению широких трудящихся масс.⁸⁶ Все это не исключало, однако, наличия острых противоречий между «союзниками» и недовольства казахских феодалов, отесняемых своим сильным партнером и конкурентом.

Краугольным камнем политики царизма в Казахстане была, однако, политика натравливания народов и разжигания международной розни, вытекавшая с объективной закономерностью из классовой, антинародной сущности колониального господства вообще и политики царизма в Казахстане в частности. Официальные документы царизма полны свидетельствами неистребимого страха перед силой и ненавистью эксплуатируемых масс и угнетенных народов, боязни общения, контактов, а тем более союза между ними. Так, еще принимая только казахов в российское подданство, представители царизма уже думали о том, чтобы казахи, оказавшись «под единым российским подданством» вместе с другими угнетенными народами России, не соединились бы с ними и «не учинились бы общими неприятельми» Российской империи.⁸⁷ В отдельных указах последующего времени проскальзывают опасения, что казахи согласятся с волжскими калмыками на общие действия и пропустят их в Джунгарию.⁸⁸ В 1747 г. Коллегия иностранных дел предписывала даже оренбургскому губернатору не допускать браков между казахами и казанскими и орен-

⁸³ Описание Средней орды киргиз-кайсаков... ч. 111, стр. 28—29.

⁸⁴ Казахско-русские отношения... № 236, стр. 609.

⁸⁵ Описание Средней орды киргиз-кайсаков... ч. 111, стр. 27.

⁸⁶ М. П. Вяткин. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде... стр. 5.

⁸⁷ Проект И. Кириллова от 4 мая 1734 г. Казахско-русские отношения... № 50, стр. 113.

⁸⁸ П. И. Крафт. Сборник узаконений... № 60, стр. 18.

бургскими татарами.⁸⁹ Очень показательны и многие другие факты. Приведем некоторые из них. В 1765 г., когда понадобилось переселить из Ставрополя к Оренбургу 200 семей крещеных калмыков, сразу же последовало указание Сенату переводить лишь «старых калмыков, кои не из зюнгорцев и в киргис-кайсаках не бывали».⁹⁰ Мы уже упоминали ранее об отказе хану Нуралы в 1767 г. в постройке зимнего жилища близ г. Гурьева у р. Яика. Помимо всего прочего, этот отказ был сделан во избежание «знакомства» казахов с другими «магометанскими народами». Оренбургскому губернатору было предложено при этом «склонять» хана к постройке дома (или крепости) в любом другом месте, но подальше от Яика.⁹¹ В 1770 г., переселяя в Оренбургскую губернию кандауровских и солтанаульских татар из Казанской губернии, Правительствующий сенат также предписывал стараться «под видом их собственной пользы» поселять татар в такие места, «из которых бы они никакого сношения с киргиз-кайсаками иметь не могли».⁹²

Конкретной основой и содержанием всех этих и им подобных распоряжений являлась боязнь приобщения свободолюбивого и сильного казахского народа к борьбе трудящихся масс и угнетенных народов России, боязнь осознания общности их интересов и возможного объединения в общем антиправительственном выступлении. Оснований для таких опасений у царских властей было более чем достаточно. Одни только башкиры за истекшие сто лет поднимались против колониального гнета царизма шесть раз: в 1645, 1662, 1676, 1704, 1735, 1740 гг., не говоря уже о восстании 1755 г. и общезвестном участии башкир в Крестьянской войне 1773—1775 гг.⁹³ По признанию Правительствующего сената, в этих «бунтах» принимали участие многие «магометанские народы»,⁹⁴ в том числе и недавно принявшие российское подданство казахи. Больше того, во время восстания 1735 г. Карасакал и примкнувшие к нему казахи «чинили возмущения» в казахском народе, заявляя, что «русские люди и с киргис-кайсаками не инаково, но так, как с ними башкирцами поступят».⁹⁵ Не менее симптоматичен был и случай ухода 15 тыс. семей калмыков из Поволжья в Джунгарию в 1701 г.⁹⁶ Упорную борьбу с представителям царизма за сохранение своей самостоятельности и привилегий продолжало вести и яицкое казачество, отнюдь не сразу ставшее надежной опорой самодержавия. Учитывая все это, И. К. Ки-

⁸⁹ Там же, № 78, стр. 20.

⁹⁰ ПСЗ I, т. XVII, № 12317.

⁹¹ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 306, стр. 112.

⁹² Там же, № 316, стр. 116.

⁹³ Корнет Степанов. Каргала или Сейтовский посад. Русский архив, 1897, кн. 2, стр. 606.

⁹⁴ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 316, стр. 116.

⁹⁵ Казахско-русские отношения..., № 96, стр. 233.

⁹⁶ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 93, стр. 26.

риллоу и рекомендовал правительству в своем «Проекте» «всегда содержать» казахов в «несогласии» с калмыками, башкирами и другими народами, с тем чтобы «буде же бы один который из них... поднялся, то легче другими усмирить бес посылки российских полков», или же «без движения великих войск и без убытку».⁹⁷ Чтобы не допустить соединения казахов, башкир и калмыков, Кириллов считал необходимым прежде всего поселить между ними войска и построить крепость.⁹⁸ Вместе с тем он предлагал правительству раздать старые ружья нескольким тысячам башкирцев, которые будут посланы для строительства крепости у границы казахских кочевий, так как в прежних столкновениях с казахами башкиры, вооруженные только луками и копьями, терпели поражения.⁹⁹ Автору всех этих предложений в 1734 г. царизм и поручил их практическое осуществление, утвердив его «Проект» и поставив Кириллова во главе Оренбургской экспедиции. Одним из первых мероприятий, которые Кириллов успел осуществить, было основание города Оренбурга в 1735 г. (нынешний Орск) и начало строительства Яицкой укрепленной линии. Остальному помешали восстание башкир, начавшееся в том же 1735 г., и смерть самого Кириллова. Однако он успел еще вовлечь казахов в карательные действия царских войск против башкирских повстанцев, воспользовавшись для этого предложением хана Абулхана.

Продолжателем начинаний Кириллова и наиболее ярким и последовательным проводником колониальной политики царизма в Казахстане вообще явился другой «птенец гнезда Петрова» — И. И. Неплюев, принявший управление Оренбургской комиссией в 1742 г. Новым в исходных позициях его административной деятельности в Казахстане, по сравнению с Кирилловым и другими предшественниками, было, пожалуй, лишь предвидение необходимости будущих земельных изъятий у «инородцев» и очень ясное понимание существовавшей тогда определенной общности интересов, объединенных ненавистью к царскому самодержавию и его административному режиму так называемых инородцев и яицкого казачества.¹⁰⁰ Последнее в это время, по заявлению самого Неплюева, представляло собой не более как «беглых крестьян, названных казаками».¹⁰¹ Разрушение этой опасной для утверждения колониального господства Российской империи общности Неплюев и считал своей главной и первоочередной задачей. С этой целью он сразу же предоставил яицкому казачеству различные экономические льготы и привилегии (открытие гурьевских учу-

⁹⁷ Казахско-русские отношения..., № 50, стр. 109, 113; А. И. Добросмыслов. Материалы..., т. I, стр. 19.

⁹⁸ Казахско-русские отношения..., № 50, стр. 113.

⁹⁹ А. И. Добросмыслов. Материалы..., т. I, стр. 21—22.

¹⁰⁰ И. И. Фирсов. Политическое и финансовое значение деятельности И. И. Неплюева. Изв. Общ. археол., истории и этногр. при Казанск. унив., 1894, т. 12, вып. 3, стр. 39.

¹⁰¹ Записки Неплюева. Русский архив, 1871, № 4—5, стр. 659.

гов, отдача на откуп таможенных и питейных сборов, ежегодная выплата денег сверх жалованья, разрешение свободной покупки и продажи вина, добычи соли и т. п.),¹⁰² «приохачивая» их к государственной службе и противопоставляя упомянутым народам. Кроме того, вопреки мнению своего предшественника В. Н. Татищева, Неплюев отстаивает и энергично осуществляет за счет земельных ограничений казахов, башкир и калмыков «дело военной колонизации» или заселения р. Яика вплоть до его низовий яицкими казаками (более 1000 верст) с одновременным строительством военных линий, крепостей и редутов по рекам Сакмарю, Яику, Ую, Тоболу и организацией оренбургского казачьего войска.

Разъединив таким образом территориально казахов, башкир и волжских калмыков и положив «резкую грань между казаками и инородцами в их отношениях к русской администрации» и друг к другу, И. И. Неплюев исподволь начал «пользоваться» всеми этими народами и яицким казачеством друг против друга в целях их обессиливания и окончательного подчинения царизму.¹⁰³ Формальных поводов для этого было более чем достаточно. Среди них особую роль играли так называемые земельные ограничения в связи с упомянутым выше поселением казачества или запрет перехода скота и вообще перехода через Яик, а также различные пограничные инциденты и набеги обеспокоенных вырастающей вокруг них цепью военных укреплений башкир, казахов и других народов на строившиеся царские крепости и форпосты. Эти и подобные им обстоятельства и были использованы царизмом, чтобы разрешить башкирам «промышлять» против казахов «по своим древним обычаям», с одновременным предписанием местным властям всячески поощрять их к тому, «признавая оное высочайшим ея имп. величества интересам полезно». Кроме того, указом Правительствующего сената от 20 сентября 1743 г. санкционировалось «позволение» яицким казакам как бы самовольно ездить для поисков против казахов, отгонять их табуны и захватывать в плен самих. На жалобы же последних оренбургскому начальству рекомендовалось отвечать, что это обычные самовольные набеги яицких казаков.

Помимо всего этого, официально санкционировалось и использование против казахов в случае «нужды» волжских калмыков и иногда даже регулярных войск.¹⁰⁴ Одновременно Оренбургской администрации было разрешено оказывать содействие калмыкам в их нападениях на казахов.¹⁰⁵ А для того чтобы калмыки, яиц-

¹⁰² См.: ПСЗ I, т. XI, № 8720; т. XII, № 8918; т. XIII, №№ 9689, 9691, 9858, 9988, 10156.

¹⁰³ И. И. Фирсов. Политическое и финансовое значение деятельности И. И. Неплюева, стр. 39—42; В. Н. Витевский. И. И. Неплюев. Изв. Общ. археол., истории и этногр. при Казанск. унив., 1894, т. 12, вып. 3, Прил., стр. 25—27.

¹⁰⁴ Казахско-русские отношения... № 114, стр. 292—293.

¹⁰⁵ И. И. Граф т. Сборник узаконений... № 45, стр. 12.

кие казаки и другие участники подобных набегов, поисков и карательных экспедиций «во всем том усердственнее поступали», в соответствующих инструкциях предусматривалось и заблаговременное обнадеживание их тем, что «при том полученная ими добычь отдается им». ¹⁰⁶ Во всех этих указах, инструкциях и распоряжениях правительства в данный период присутствовала, однако, как правило, оговорка о необходимости осуществления подобных мероприятий, особенно с выходом на территорию Казахстана, «без посылки регулярных войск», ¹⁰⁷ что должно было свидетельствовать о «непричастности» царизма к этим столкновениям и набегам и обеспечить ему очень выгодную роль арбитра и третейского судьи. Исключения допускались лишь в случаях серьезных «возмущений» упомянутых народов, значительного скопления вооруженных отрядов казахов или прямых нападений на пограничные укрепления и т. п. Но и в подобных случаях применение регулярных войск обуславливалось «обязательным успехом», ¹⁰⁸ так как поражение или неудача стали бы опасным для царизма проявлением слабости перед лицом всех этих народов. Преднамеренной организацией и регулированием конфликтов, набегов и столкновений, исподволь насаждавшей национальной рознью казахов с соседними народами достигалось не только необходимое царизму ослабление в данном случае казахского народа, но и превращение его пребывания у границ России и вообще российского подданства казахов в своеобразную вторую укрепленную линию, линию вражды и национальной розни, на внешних, открытых до этого границах беспокойной Башкирии и других народов. Такая линия особенно надежно ограждала и самих казахов от столь нежелательных для царизма контактов казахских племен с соседними им угнетенными народами и проникновения в Казахстан беглых колодников, раскольников, рекрутов, крепостных и прочих носителей нараставшего в России социального протеста и не прекращавшихся выступлений ее угнетенных народов.

Кстати, традиционная «забота» царизма об освобождении русских «невольников» из Казахстана и Средней Азии имела своей подоплекой в значительной степени просто стремление уничтожить последние возможности ухода из России всем этим «ворам», «возмутителям» и вместе с тем оградить «новоподданных» казахов от их опасного антиправительственного влияния. Именно поэтому фарисейская забота о «томящихся в неволе» христианах сопровождалась требованиями к казахским владельцам и родоначальникам под угрозой штрафа и «репрессалий» не принимать «уходцев» из России, «не держать у себя беглых башкир и других людей», а также указаниями оренбургским властям любимыми путями добиваться возвращения беглых, чтобы не было «соблазна

¹⁰⁶ Казахско-русские отношения. . . , № 102, стр. 266.

¹⁰⁷ И. И. Крафт. Сборник узаконений. . . , № 45, стр. 12.

¹⁰⁸ Там же, № 144, стр. 44.

для других».¹⁰⁹ Особую «заботу» в данном отношении царское правительство проявляло в описываемый период о беглецах из Башкирии, объясняя это тем, что башкирский народ «весьма жестокий и отчаянный паче киргисцев».¹¹⁰ Во время значительных антиколониальных выступлений башкир царским властям приходилось не только требовать от казахских феодалов любыми путями и средствами отыскивать и возвращать из Казахстана беглых повстанцев, но и усиливать гарнизоны полевых войск и предпринимать другие меры «крепчайшей предосторожности» против «оказавшихся вновь во многих местах воров башкирцев и присоединившихся к ним» казахов.¹¹¹ Однако в 1755 г., во время очередного восстания башкир, несмотря на «предосторожности» пограничных властей и соответствующие усилия хана Нуралы и других казахских феодалов, в Казахстан перешло до 50 тыс. башкирских повстанцев (вместе с семьями). Они рассказывали казахам о земельных захватах царизма, знакомых уже и казахам в результате строительства укрепленных линий на путях казахских кочевий, о разорительных поборах, повинностях и прямом ограблении башкирского народа царизмом и своими собственными феодалами, о безудержном произволе всех этих властей и жестоких расправах над непокорным населением.

Естественно, что после таких рассказов отдельные казахские роды не только приняли беглых башкир, но и обещали их не обижать, не грабить, а главное не выдавать царским властям. И действительно, когда хан Нуралы, выполняя указания оренбургских властей, распорядился разграбить этих беглецов, принявшие их казахи вступили в перестрелку с людьми хана, причем с обеих сторон было много убитых и раненых.

В связи со всем этим в письме Нуралы-хана Неплюеву прямо высказывалось опасение, что нашедшие в Казахстане убежище башкирские повстанцы «могут и еще бунтовать и киргисцев возмущать и, предводительствуя, всякие плутовства чинить и нас тем в стыд приводить».¹¹² В указах Военной коллегии и других учреждений царизма И. И. Неплюеву в это время также говорится об угрозе соединения бежавших «во множестве» башкир с казахами и их совместного нападения на царские крепости.¹¹³ К тому же правительственным учреждениям, равно как и самому Неплюеву, было известно, что предводитель восстания Батырша рассчитывал на помощь казахов и предпринимал меры для организации совместного выступления против царизма.¹¹⁴ Чтобы поло-

¹⁰⁹ Там же, № 111, стр. 33; № 141, стр. 44; Казахско-русские отношения. . . , № 96, стр. 240, 244; № 175, стр. 446.

¹¹⁰ И. И. Крафт. Сборник узаконений. . . , № 141, стр. 44.

¹¹¹ Там же, № 151, стр. 47.

¹¹² Казахско-русские отношения. . . , № 210, стр. 538—540.

¹¹³ И. И. Крафт. Сборник узаконений. . . , № 148, стр. 46—47.

¹¹⁴ Записки Неплюева, стр. 665; см. также: А. Чулошников. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.—Л., 1940.

жить конец возможностям контактов и вообще постоянной угрозе объединенного выступления казахов, башкир и других народов, Неплюев прибег все к тому же испытанному средству натравливания их друг на друга, использованному теперь уже на более подготовленной почве и в невиданных до этого масштабах. Прежде всего он еще раз потребовал от казахских владельцев выдачи башкирских повстанцев, напоминая при этом о присягах на верность царизму, о благах, которые принесло казахам российское подданство, и не останавливаясь даже перед угрозой войной. Вместе с тем через татарских мулл и верных царизму казахских феодалов в Казахстане тем же Неплюевым были распространены провокационные письма от имени оренбургского ахуна о том, что башкирские повстанцы, двигаясь в Казахстан, намереваются будто бы грабить казахов, захватывать их пастбища, жен, дочерей. Одновременно со всем этим именованным высочайшим указом от 5 сентября 1755 г. было утверждено представление Неплюева о награждении казахов халатом за каждого выданного царизму башкирского повстанца. «Дело до того дошло, — говорилось в упомянутом выше указе, — что и на убыток невзирая стараться надобно о получении оных злодеев башкирцев назад, дабы тем сей повод пресечь».¹¹⁵ Дети и жены беглых повстанцев, скот и другое имущество также в виде награды за усердие предоставлялись царизмом в полное распоряжение и собственность казахов.

В ответ на начавшиеся после этого ограбления имущества, пленение людей, насилия над женами и дочерьми повстанцев башкиры начали нападения на казахские аулы, ответные грабежи и убийства. Когда обо всем этом стало известно в Башкирии, о чем также позаботился Неплюев, оттуда для отмщения казахам за их «вероломство» двинулись целые отряды вооруженных башкир, беспрепятственно пропускаясь по распоряжению Неплюева через Яицкую укрепленную линию, в то время как переход казахов на территорию Башкирии был им категорически запрещен. Терроризируемые этими отрядами и разбросанными по всей степи небольшими группами недавно ограбленных и плененных казахов беглых башкир казахские аулы сбивались вплотную друг к другу, боясь отходить далеко от стоянок, не имея возможности выпастить скот.¹¹⁶ На просьбы хана о помощи и защите Неплюев отвечал, что он и без того в связи с недостатком войск с трудом сдерживает башкир, мечтающих будто бы о полном истреблении казахов. «Сие происшествие, — писал позднее Неплюев в своих мемуарах, — положило такую вражду между теми народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна».¹¹⁷ Так было достигнуто не только предотвращение

¹¹⁵ И. И. Крафт. Сборник узаконений. . . , № 146, стр. 46.

¹¹⁶ АВПр, ф. 122/1, 1756 г., д. 4, лл. 34 и 34 об., 65, 73 и 73 об.

¹¹⁷ Записки Неплюева, стр. 673—674.

возможного союза и совместного выступления против царизма казахов и башкир, но и серьезное ослабление Младшего казахского жуза. Успех действий Неплюева в данном отношении был настолько значительным, что в январе 1756 г. Правительствующий сенат пытался выяснить, нельзя ли заодно «сделать безвредною» и «Среднюю киргиз-кайсацкую орду», а также сколько для этого потребуются войска и когда удобнее его туда посылать.¹¹⁸

Через полтора десятилетия, в 1771 г., аналогичными методами и при очень сходных обстоятельствах царизму удалось организовать значительное столкновение казахов с волжскими калмыками, использовав первых для преследования и разгрома 30 тыс. калмыцких семей, предпринявших перекочевку на земли своих предков, освободившиеся после разгрома Джунгарии. Все это, разумеется, очень повлияло на последующие взаимоотношения казахов с волжскими калмыками, но все же не гарантировало прочности колониального господства царизма в Казахстане. И уже современник описываемых событий капитан Н. Рычков во время преследования калмыков записывал в дневнике, что «отстать от войск было опасно не столько от калмык, бегущих впереди нас, сколько от самых киргиз-кайсаков, на постоянство которых никак не можно положиться».¹¹⁹

В политике царизма в Казахстане с самого начала его присоединения к России особенно значительное место занимал земельный вопрос. В этом вопросе, жизненно важном для всего казахского народа, находили преломление все основные стороны колониальной политики царизма в Казахстане — от подкупа казахских феодалов и других форм закрепления российского подданства до противоположения казахских владельцев друг другу, разжигания внутренних противоречий и общего ослабления и подчинения казахского народа.

Предельно увеличившаяся в начале XVIII в., особенно в связи с джунгарским вторжением, пастбищно-земельная теснота, а также потребность в безопасных, обильных водой и травами пастбищ у границ России сыграли огромную роль в добровольном присоединении Казахстана к России. Особенно важны во всех отношениях для казахов были кочевья у рек Яика и Иртыша. В свое время хан Нуралы, протестуя против запрета на использование этих пастбищ, прямо заявил Тевкелеву, что «оной Яик травою обильной и тиховодной», дававший казахам «от всех окрестных... неприятелей прибежище и помощь, также и от воздуха, и снежных вьюг, и непогоды защиту», привел их и в подданство Российской империи.¹²⁰ Не менее ясно понимал значение кочевий у Яика и хан Абулхайр, писавший Неплюеву в 1747 г., что ка-

¹¹⁸ И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 158, стр. 49.

¹¹⁹ Н. Рычков. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. СПб., 1772, стр. 10, 20, 52, 55.

¹²⁰ Казахско-русские отношения... № 212, стр. 545.

захи «не отлучатся» от границ России, «доколь река Яик не высохнет... даже до преставления света... поуже кроме одного удобного места им другого не отыскать».¹²¹ Больше того, заинтересованный в удержании казахов в российской подданстве, с которым он связывал свои династические и классовые цели, хан Абулхаир в критических обстоятельствах говорил им, что, «если вам нужны обильные кочевья, держитесь воли ея императорского величества, иначе ... вы такого прибежища и кочевий нигде не сыщите».¹²²

Все это великолепно понимали представители царизма, и уже Тевкелев, возвратившийся из Казахстана в 1733 г., писал в своем «Представлении» Коллегии иностранных дел о практической невозможности или трудности для казахов «от российской протекции уклониться», так как это привело бы их к потере ценнейших пастбищ по Эмбе, Яику, Иртызу, Уилу и другим рекам, равноценных которым они не смогли бы получить в безводных пустынях юга или других местах.¹²³ Но первыми же распоряжениями царизма в связи с принятием казахов в российское подданство территория их кочевий сразу же была ограничена естественными водными рубежами — Яиком и Иртышом. Рост поголовья скота и потеря значительной части кочевий в южных и юго-восточных районах Казахстана ставили, однако, перед казахами все более остро необходимость решения вопроса об удобных зимних пастбищах, защищенных от зимних ветров и холода и безопасных от внешних набегов, т. е. о пастбищах у Яика и Иртыша, а также на «внутренней стороне» этих рек. Практически эти потребности удовлетворялись простым перегоном скота через эти реки, что, кстати, имело место и раньше. Однако царизм под предлогом необходимости предотвратить столкновения и «раздоры» между казахами, яицкими казаками, калмыками и другими народами, обеспечить свободный проезд купцам и вообще обезопасить границы Российской империи не только «определяет», «как близко подъезжать» казахам к Яицкому городку и другим вновь построенным городкам,¹²⁴ но все более настойчиво проводит эти «определения», или политику земельных ограничений казахов, в жизнь, считаясь лишь в некоторых случаях с необходимостью «не огорчать» казахов, чтобы не вызвать их откочевки совсем от России и перехода в подданство Джунгарского ханства. Но даже и в этих случаях, разрешив, например, в октябре 1739 г. кочевание у Яика батыру Джанибеку с подвластными ему родами, князь Урусов предписывал военным властям пугать казахов перекочевкой за Волгу кал-

¹²¹ Там же, № 143, стр. 366.

¹²² Там же, № 190, стр. 495.

¹²³ Там же, № 43, стр. 100.

¹²⁴ РСЗ I, т. X, № 7514.

мыков и возможностью «раззорений» с их стороны, и оттеснить Джанибека, «под видом его охраны», на прежние кочевья.¹²⁵

Особую остроту земельный вопрос в Казахстане приобретает с назначением в Оренбург И. И. Неплюева и взятым им курсом опоры на яицкое казачество и военную колонизацию Яика. Первым результатом этого курса для казахов было запрещение не только перегона скота через Яик, но и приближения к Яику на участке от Гурьева до Яицкого городка, т. е. на всем протяжении предпринятых Неплюевым казачьих поселений. Делалось это опять-таки под видом заботы о предохранении казахов от «утеснения» соседними народами и «непрестанных беспокойств». ¹²⁶ При этом царская администрация считала нужным настойчиво разъяснять казахам, что в случае «утеснения» их джунгарскими завоевателями они всегда имеют право расположиться кочевьями у Яика, под защитой построенных и строившихся крепостей, а казахские владельцы с их семьями и «лутшими людьми» ради их защищения будут «приняты в крепость». ¹²⁷ Вместе с тем царское правительство вновь и вновь подтверждало свои распоряжения и указы о запрещении казахам кочевать у Яика и Иртыша, а тем более переходить на их «внутреннюю сторону», предписывая пограничным властям в случае нарушения этих распоряжений поступать с казахами «как с противниками». ¹²⁸ Но реальных возможностей и сил для осуществления подобных указов было еще далеко не достаточно, и оренбургским властям приходилось лавировать, уступать напору прикочевывавших в тяжелые зимы казахских родов, чтобы не вызвать их «возбуждения» и откочевки, идти на уступки крупнейшим казахским феодалам, зарекомендовавшим свою «доброжелательность» по отношению к царизму, и т. д. Так было, в частности, в порядке исключения разрешено казахам перекочевать через Яик зимой 1748/49 г., когда огромное количество казахских аулов из-за бескормицы, глубоких снегов и других причин оказалось перед реальной угрозой потери всего скота и начало, несмотря на запреты, массовый переход на «внутреннюю сторону» Яика. К тому же о разрешении этой перекочевки усиленно просили хан Нуралы, Исет-тархан, Аджибай-бий, Алтай-батыр, Арал-мурза и другие «доброжелательные» и «верноподданные» казахские феодалы. ¹²⁹ Да и не было сил, способных остановить начавшуюся уже и без того перекочевку. Идя на эту вынужденную уступку, Неплюев считал, однако, нужным разрешить лишь единокрatную перекочевку, да и то под видом самовольной добрососедской уступки казахам со стороны яицких каза-

¹²⁵ Казахско-русские отношения... № 68, стр. 131.

¹²⁶ Там же, № 81, стр. 188—189.

¹²⁷ Там же, № 92, стр. 219; № 169, стр. 439.

¹²⁸ Там же, № 100, стр. 262—263; № 102, стр. 265; № 211, стр. 540—541.

¹²⁹ Там же, № 171, стр. 440.

ков.¹³⁰ Но подобные уступки царские власти были вынуждены и посчитали нужным делать и в 1751, и в 1753, и в 1755 г.,¹³¹ не говоря уже о самовольных перегонах скота и таких же случаях кочевания казахских родов у границ России. Учитывая реальное соотношение сил, царизм считал порой даже выгодным для себя идти на эти уступки, так как близкое кочевание казахских родов у границ России было лучшей гарантией от их «продерзости и набегов».¹³² Вместе с тем Коллегия иностранных дел в 1747 г. издает указ о ежегодных осенних палах, или выжигании трав в степях по обе стороны Яика, что исключило бы возможность казахских набегов и их прикочевки на эти земли.¹³³ Выполнение этого указа и привело, в частности, к бескормице зимой 1748/49 г., когда Неплюев был вынужден разрешить казахам «единократную» перекочевку.

Сопоставление распоряжений правительства и оренбургских властей по вопросу о пастбищах казахов у Яика и Иртыша делает не совсем понятными причины и цели земельной политики царизма в Казахстане. Имеющиеся в научной литературе ссылки на необходимость защиты пограничных территорий кажутся нам недостаточными, а утверждения о недостатке земель на правобережье Яика и Иртыша, об угрозе «превращения оседлых сельскохозяйственных районов в пастбища» и т. п.¹³⁴ — явно необоснованными. Речь ведь шла всего лишь о непродолжительном зимнем выпасе скота, когда он не мог причинить пашням никакого вреда, кроме лишь их унавоживания. В отдельных просьбах казахов прямо говорится о землях, не занятых даже под сенокосы.¹³⁵ Да и трудно поверить тому, что царизм проявлял заботу о землях и пастбищах башкир, волжских калмыков и других народов. К тому же казахским феодалам, а также и целым казахским родам, особенно в случаях, нужных или выгодных для царизма, такой перегон разрешался, и сами командиры казахских отрядов, как сообщает Н. Г. Аполлова, считали, что в этом вопросе, чтобы не озлоблять казахское население, нужно поступать последовательно: или все табуны перепускать, или же не пропускать ни одного. Канцлер же Голицын вообще считал возможным «не высылать» казахов «назад за реку Иртыш». Депутат от сибирских линий казак Ф. А. Андиферов в 1767 г. писал по данному поводу в комиссию по составлению проекта нового уложения о перепуске ка-

¹³⁰ Там же, стр. 440—441.

¹³¹ Там же, № 211, стр. 541—542.

¹³² АВПР, ф. 122/1, 1747 г., д. 3, л. 228.

¹³³ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 83, стр. 22; Казахско-русские отношения..., № 198, стр. 523.

¹³⁴ См.: Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией..., стр. 347 и др.

¹³⁵ АВПР, ф. 122/1, 1758 г., д. 4, л. 221 об. — У яицких же казаков, как сообщил нам И. Г. Рознер, пашен вообще не было вплоть до 80—90-х годов XVIII в.

захского скота, что на внутренней российской стороне «корму впусе лежащего и никем не обитаемого довольно число...», и считал целесообразным во всех отношениях отменить запрет на перепуск «киргисских табунов».¹³⁶ Все это совершенно не согласуется с утверждениями о недостатке свободных земель на «внутренней стороне» Яика и Иртыша и угрозе превращения подобными перегонками земледельческих территорий в пастбища. То же самое можно сказать и о распоряжениях царизма выжигать ежегодно травы у реки Яика, чтобы исключить прикочевку казахов для зимнего выпаса скота. Не объясняют подобные утверждения и того, почему запрет на перегон скота сохранился и после 1771 г., когда пастбища между Яиком и Волгой, после бегства калмыков на земли разгромленной Джунгарии, стали совершенно свободны.

Нам кажется, что земельная политика царизма в Казахстане и в данном случае все эти внешне противоречивые и непоследовательные запрещения, разрешения и ограничения кочевий казахов и запреты перегона скота через Яик определялись в значительной степени той же боязнью контактов между казахами, банкирами, калмыками и даже яицкими казаками (особенной организацией пограничного земельного вопроса (особенно острого для казахов) с целью еще большего противопоставления, натравливания и взаимного ослабления этих народов наряду с усилением их зависимости от Российской империи. В этом нас убеждают конкретные факты и свидетельства целого ряда документов. Так, например, свое распоряжение или указ о запрещении перегона скота через Яик и близкого кочевания казахов у Яика (в 1742 г.) Неплюев мотивировал обычной до и после него ссылкой на необходимость недопущения столкновений и ссор между казахами, калмыками и другими народами.¹³⁷ Лицемерность подобного заявления на общем фоне национальной политики царизма в Казахстане более чем очевидна. К тому же сами казахи заявляли Неплюеву в данном случае, что они помирятся с калмыками и уже отправили к ним с этой целью посланцев. Но это не убедило и не могло убедить Неплюева, так как этим запретом оренбургский начальник, по его собственному сообщению в Коллегию иностранных дел, стремился, между прочим, «удержать» казахов именно от «коммуникации... с... волжскими калмыками».¹³⁸ Очень характерна и мотивировка запрещения перегона скота через Яик казахам Младшего жуза в 1756 г., объясненная официально все теми же «продерзостями» казахов, их «бесперывными ссорами» с калмыками и т. п. В действительности же, разрешив переко-

¹³⁶ Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией..., стр. 351, 356; АВПР, ф. 122/1, 1767 г., д. 2, лл. 1—2.

¹³⁷ Казахско-русские отношения..., № 96, стр. 242; № 98, стр. 258.

¹³⁸ Там же, № 96, стр. 258.

чевку через Яик зимой 1755 г. за помощь казахских феодалов в расправе над башкирскими повстанцами, царские власти обнаружили возникновение каких-то тайных «пересылок» или связей хана Нуралы с калмыцким владельцем Бамбаром. Брат хана, султан Айчувак, при этих же «пересылках» взял в жены родственницу другого калмыцкого владельца Замьяна, после чего калмыки заявили будто бы, что «ежели та калмычка им, Айчуваком, за настоящую жену содержана будет, чтобы владельцу Замьяну с ним, Айчуваком, и впредь непрерывную дружбу иметь, да и протчим бы калмыкам за киргисцов дочерей своих выдавать». Все это не могло не встревожить царскую администрацию, а потому императрица Елизавета «сочла за благо» рескриптом от 2 сентября 1756 г. повелеть «впредь их киргис-кайсак в зимние времена со скотом на здешнюю сторону не перепускать», так же как и калмыков на степную сторону Яика. Оренбургскому начальству предписывалось при этом не объявлять рескрипт Нуралы-хану до окончания «дела с башкирами».¹³⁹

Несколько позже, в 1759 г., Коллегия иностранных дел, подтверждая все тот же запрет казахам о переходе через Яик, в указе оренбургской администрации прямо заявила, что, помимо ссор и драк с яицкими казаками, в случае разрешения переходов казахи, привыкнув переходить через Яик, вытеснят калмыков и соединятся с кубанцами — тоже магометанами и одной с ними секты.¹⁴⁰ Еще более определенно та же Коллегия иностранных дел высказалась по данному вопросу в 1763 г. В ее указе за № 458 в связи с нарушением казахами запрета на перегон скота через Яик содержалось не только еще одно подтверждение запрета о прекращении всяких сношений казахов с калмыками, но и предписание оренбургским властям впредь «искусным образом удерживать» и яицких казаков, чтобы они «меньше знакомились» с казахами и калмыками.¹⁴¹

Такова скрытая подоплека земельной политики царизма в Казахстане. Создание Неплюевым привилегированного землепользования яицкому казачеству на стыке казахов, башкир, волжских калмыков и других народов — явление совершенно того же политического порядка и целей. Конечно, данная подоплека не исчерпывала всего многообразия причин и целей отдельных распоряжений царизма и мероприятий оренбургских властей, но она определяла общее политическое направление и характер земельной политики царизма в Казахстане, особенно в начальный период его присоединения к России.

Укрепив пограничные линии и расправившись с очередным восстанием башкир, которое еще раз показало царизму всю глубину опасности контактов и возможного единства угнетенных

¹³⁹ Там же, № 211, стр. 540—544.

¹⁴⁰ И. И. Крафт. Сборник узаконений. . ., № 209, стр. 68.

¹⁴¹ Там же, № 266, стр. 96.

народов, царское правительство немедленно приступило к решительному узаконению и практическому осуществлению своих «земельных запретов», направленных на дальнейшую изоляцию, противопоставление друг другу и ослабление казахского и других угнетенных народов.

Своеобразным рубежом в данном отношении стал уже упоминавшийся нами рескрипт 1756 г., запрещавший казахам в категорической форме перегон скота через р. Яик.¹⁴² Среднему жузу, активизировавшему перегон скота через Иртыш в период «башкирского замешательства», перекочевки были запрещены Военной коллегией в самой категорической форме, вплоть до применения регулярных войск и оружия, еще зимой 1754/55 г. В 1755 г. этот запрет был подтвержден несколькими указами.¹⁴³ В результате подобных распоряжений немедленно начались столкновения казахов Младшего и Среднего жузов с отрядами царских войск, возросли злоупотребления казачьих отрядов и войсковых командиров, а вместе с тем участились жалобы казахов и просьбы хана и других казахских феодалов о разрешении перегона, в ответ на которые следовали новые, все более категорические и безапелляционные отказы оренбургских властей и царского правительства. Все это вызывало рост недовольства не только простых кочевников-скотоводов. Подобные действия царских властей подрывали авторитет ханской власти, лишали казахских владельцев значительной части доходов от права распоряджения пастбищами, и в частности поборов за разрешение перегона скота через Яик отдельным казахским родам и аулам. К тому же оренбургская администрация не разрешала теперь перекочевку даже аулам хана и членов его семьи, не принимая уже во внимание ни покорности хана и других казахских феодалов, ни их доносов о готовившихся набегах казахов, ни даже гораздо более значительных услуг или предложения таковых. Разрешение перегона скота через Яик, данное А. Тевкелевым в сентябре 1758 г. с учетом бескормицы и внешнеполитической ситуации, не было одобрено царизмом и вызвало нарекания царских властей на самого Тевкелева.¹⁴⁴

Все это и привело к «возмущению» многочисленных казахских родов и острому конфликту членов ханской фамилии и казахских старшин с оренбургскими властями. Оскорбленные категорическим отказом, «с бранью» и угрозами вообще разорвать отношения подданства с Россией, они покинули Оренбург, куда приезжали для встречи и переговоров с вновь назначенным губер-

¹⁴² См. также: И. И. Крафт. Сборник узаконений. . . , № 165, стр. 51; АВПР, ф. 122, 1756 г., д. 3, лл. 2—3, 4, 144.

¹⁴³ См.: И. И. Крафт. Сборник узаконений. . . , №№ 135, 139, 140, 144, стр. 41—45.

¹⁴⁴ См.: там же, № 200, стр. 65; АВПР, ф. 122/1, 1758 г., д. 4, л. 313—313 об.; Казахско-русские отношения. . . , № 232, стр. 600.

натором Давыдовым.¹⁴⁵ Вслед за этим еще более усилились самовольные прикочевки казахов к Янку и Иртышу и перегон скота на «внутреннюю сторону». В результате весной 1763 г., убедившись в бессилии казачьих отрядов, пытавшихся остановить массовые перекочевки казахов, Коллегия иностранных дел предписала разрешить летнее кочевание у Янка для вытравливания загодя зимних кормов, кроме того, «будто нечаянно» выжигать травы, а в случае «крупных беспорядков учинить поиски» против казахов башкирами и калмыками.¹⁴⁶ Одновременно последовал и указ Екатерины II от 1 июня 1763 г. с новым запретом перекочевок через Янк и Иртыш, «понеже всякой российской подданный не смеет переходить, где ему не позволено».¹⁴⁷

Однако ни эти указы, ни лихорадочно предпринимавшиеся царской администрацией меры не были в состоянии остановить начавшиеся массовые перекочевки, и царское правительство снова идет на отдельные, подчас чрезвычайно своеобразные, но в целом характерные для царизма уступки. В частности, в феврале 1764 г. на просьбу султана Аблая о разрешении перекочевки с подвластными ему племенами Среднего жуза через Иртыш Коллегия иностранных дел повелела: «Просьбу Аблая не отклонять и не выполнять». Вместе с тем, в виде исключения, временно было разрешено кочевание у границы и даже перекочевка со скотом на «внутреннюю сторону» Иртыша для наиболее преданных царизму феодалов и подвластных им родов Среднего жуза.¹⁴⁸

Аналогичная уступка была сделана и для казахских феодалов Младшего жуза в 1771 г., во время упоминавшегося ранее бегства волжских калмыков. При этом, оставляя в целом запрет о перегоне скота через Янк, Коллегия иностранных дел впервые официально предписывала сделать исключения для доброжелательных к Российской империи феодалов и подвластных им казахских родов, «которых, следовательно, — как говорилось в этом указе, — окажется немного».¹⁴⁹ Таков более чем характерный итог сорокалетнего колониального проникновения и политики царизма в Казахстане.

Мы осветили лишь некоторые аспекты этой политики в период, предшествовавший событиям 1773—1775 гг., не имея возможности специально остановиться на вопросе о строительстве укрепленных линий, городов и земельных изъятиях на территории Казахстана, не затрагивая вопроса об организации «репрессалий», воинских поисков, или «барымты», против казахских родов и племен, при общей заинтересованности в этом и совместных дейст-

¹⁴⁵ Казахско-русские отношения... № 232, стр. 600—601; И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 208, стр. 69; № 217, стр. 74—75.

¹⁴⁶ И. И. Крафт. Сборник узаконений... №№ 266, 269, стр. 96, 98.

¹⁴⁷ Там же, стр. 101.

¹⁴⁸ Казахско-русские отношения... № 257, стр. 656—662.

¹⁴⁹ И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 325, стр. 119.

виях царизма и казахских феодалов, а также о начале и методах освоения природных богатств Казахстана, торговой политике царизма, его отношении к развитию оседлости и земледелия¹⁵⁰ и целом ряде других объектов приложения сил и политических акций царизма, подчиненных в значительной степени все тем же задачам закрепления подданства казахских жузов, их ослабления, колонизации Казахстана и превращения его в рынок сбыта и сырьевой придаток Российской империи. Но и освещенные вопросы, на наш взгляд, дают достаточно полное представление о том, в каких неблагоприятнейших условиях реализовывалась прогрессивная тенденция хозяйственного сближения народов России и Казахстана и почему «породцы», в том числе и казахи, говоря словами Н. Н. Фирсова, не могли шить к оренбургским властям и вообще царскому правительству, «которое постоянно их обманывало, эксплуатировало и натравливало друг на друга», ничего, кроме глубокой ненависти.¹⁵¹

Участие казахов в Крестьянской войне 1773—1775 гг. и было в значительной степени результатом и одной из форм реализации этой ненависти, порожденной антинародной политикой царизма в Казахстане.

¹⁵⁰ Освещение последних вопросов, особенно торговой политики царизма в Казахстане, имеется к тому же в упоминавшейся нами выше обстоятельной монографии П. Г. Аюловой, к которой мы и отсылаем читателя.

¹⁵¹ Н. Н. Фирсов. Пугачевщина, 2-е изд., Госиздат, 1921, стр. 74.